

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

УДК 343.13

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА И СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: КОНФРОНТАЦИЯ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЕНИЕ Objective Truth and Contentiousness in Criminal Procedure: Confrontation and Mutual Addition

Е. М. Рябков – профессор кафедры правового обеспечения управления предпринимательством Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент

E. M. Ryabkov – Professor of the Enterprise Management Law Security Department of N. I. Lobachevski Nizhniy Novgorod State University, Doctor of Law Sciences, Associate Professor

Аннотация. В статье рассматривается один из дискуссионных вопросов современной теории уголовного судопроизводства – об истине как цели доказывания. Анализируются предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере.

The article deals with one of the disputable issues of the modern theory of criminal court proceedings – truth as the aim of proof. The proposals on legislation improvement in this sphere are analyzed.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, объективная истина, состязательность.

Criminal court proceedings, proof, objective truth, contentiousness.

За время почти тринадцатилетнего действия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) практика столкнулась со значительным количеством неточностей, упущений, а подчас и просто положений, нуждающихся в корректировке в связи с меняющимися реалиями жизни.

С разной степенью успешности предложения правоприменителей, прежде всего Следственного комитета Российской Федерации, находят свое отражение в поправках к закону. Последняя инициатива Следственного комитета Российской Федерации, озвученная 29 января 2014 г. членом Государственной Думы А. А. Ре-

мезковым, «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» [8] стала одним из самых спорных обсуждаемых юристами законопроектов. Предлагаемые изменения резко критикуются представителями адвокатского и журналистского сообществ.

Вне зависимости от судьбы законопроекта, которая, безусловно, будет непростой, начиная уже с момента обсуждения в Государственной Думе, представляется интересным проследить мотивацию и аргументацию противоборствующих сторон.

Высказываемые возражения критиков законопроекта сводятся к тому, что, по сути:

- это введение «инквизиционного» процесса вместо состязательного, поскольку усилится доминирование уже существующего обвинительного уклона;

- он приведет к снижению процента оправдательных приговоров, так как у суда появится лазейка отправить дело на дополнительное расследование;

- возврат к установлению объективной истины хотя и не исключит состязательность сторон, но усилит позицию стороны обвинения за счет расширения полномочий суда, который и так априори на ее стороне;

- предоставление возможности суду проявлять активность в поиске истины – это фактически обязанность исправлять недоработки следствия и прокурора и фактически делает суд стороной обвинения;

- увеличится возможность содержать обвиняемых под стражей, так как срок в рамках судебного процесса может продлеваться самим судьей неограниченно, а срок следствия строго ограничен;

- снижается значение презумпции невиновности, ей отводится вторичная роль, поскольку данный институт вступает в действие лишь после того, как невозможно достижение по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию;

- сама идея возврата к поиску объективной истины порочна, так как является лишь ширмой, прикрывающей недоработки следствия. Если база обвинения недостаточна, сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого и вести к оправданию;

- поскольку в уголовном процессе присутствует субъективная оценка доказательств,

включение в него категории объективной истины, как и абсолютной истины, некорректно, поскольку носит лишь философский аспект. Поэтому речь можно вести лишь об относительной истине и не более того.

Основания для подобных опасений, безусловно, есть, тем более что предлагаемые изменения в УПК РФ небызупречны с точки зрения неоднозначности трактовки. Так, например, вызывает сомнение необходимость включения в ч. 1 ст. 17 УПК РФ указания на необходимость руководствоваться при оценке доказательств не только законом, но и совестью. Совесть как нравственная категория не имеет четких критериев, и правоприменительная практика, к сожалению, знает немало примеров, когда совесть и необходимость соблюдения закона оказываются диаметрально противоположными. Уместным будет вспомнить, что включение в уголовный процесс не таких далеких прошлых лет категории «революционное правосознание» приводило к полнейшему субъективизму в принятии решений.

Не претендуя на исчерпывающую истину в первой инстанции, рассмотрим отдельные предложения по изменениям в УПК РФ. Главное предложение касается возврата к введению категории «объективная истина», которая в трактовке инициаторов звучит как «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» (дополнение в виде п. 22.1 к ст. 5 УПК РФ).

Одним из наиболее основательных критиков существования объективной истины в уголовном процессе явилась Е. Б. Мизулина, одна из авторов действующего УПК РФ. Ее позиция в целом вполне логична. Так как судья, рассматривая конкретное дело, делает вывод о произошедшем событии исходя из логического сопоставления мнений, суждений, доказательств, а возможности проверить опытным путем нет, поэтому истина в силу своей непроверяемости и некоторой умозрительности не может быть отнесена к разряду научных. В лучшем случае такая истина, даже достаточно обоснованная и логически верная, может претендовать на статус гипотезы. И в завершение данного постулата она приводит фразу, ставшую поистине крылатой: «Спорить о том, устанавливает или нет суд истину, так же бессмысленно, как доказывать, что бог не существует, ибо его никто не видел» [6, с. 97]. Но в данном случае для подтверждения

своей позиции она опирается также на далеко не бесспорную философскую категорию, носящую не менее умозрительный характер. По мнению А. С. Емузова, доктрина объективной истины фактически нивелирует главный постулат состязательности – принцип равноправия сторон [2, с. 11]. Не менее категоричен Е. Карякин, утверждающий, что вопрос о самом наименовании истины (абсолютная, относительная, объективная, формальная и т. д.) имеет главенствующее значение для определения степени ее познания и отстаивает плюрализм, открывающий свободу конкуренции истин, предоставляющих возможность состязательности в уголовном процессе [5, с. 68–69].

Данные позиции оказались наиболее убедительными для законодателя и нашли закрепление в действующем УПК РФ, хотя их противники в научных спорах продолжают настаивать на необходимости возврата к объективной истине как элементу публичной состязательности [4, с. 95] и условию обеспечения справедливости в решении суда [9, с. 34].

Представляется, что авторы законопроекта, действуя все же из благих побуждений, сами дают в руки критиков поводы их критиковать. Видимо, более разумным было бы оставить в покое весьма спорную категорию «объективная истина», являющуюся предметом рассуждений философов, и обсудить категорию «юридическая истина», о которой говорил еще в начале прошлого века видный российский юрист И. В. Михайловский. Так, он утверждал, что задачей всякого, в том числе уголовного, суда должно быть «не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [7, с. 16].

Вполне очевидно, что категорию «истина» из уголовного процесса исключить невозможно. И вот здесь начинают ломаться копыта противоборствующих сторон, что понимать под этой юридической истиной. В целом никто не возражает, что в суде должны устанавливаться обстоятельства, касающиеся предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ), в том числе обстоятельств, исключающих преступность деяния и могущих повлечь освобождение от ответственности и наказания. В данном контексте объективная истина нужна не только стороне обвинения, но в не меньшей степени и самому обвиняемому.

Авторы законопроекта предлагают ст. 21 УПК РФ дополнить частью 1.1, где говорится, что об-

стоятельства, оправдывающие обвиняемого (подозреваемого) или смягчающие его наказание, подлежат тщательному и всестороннему исследованию и оцениваются наравне с обстоятельствами, изобличающими обвиняемого (подозреваемого) или отягчающими его наказание. Непонятно, почему против этого возражают представители стороны защиты. Следующее добавление касается ч. 1 ст. 119 УПК РФ, говорящей о лицах, имеющих право заявлять ходатайство, где перед словами «обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство», необходимо добавить «обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования или судебного разбирательства».

Категории «полнота» и «объективность» так или иначе уже присутствуют в действующем УПК РФ (ч. 4. ст. 152), законодатель упоминает их как о целях предварительного расследования, проводимого по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей. Категории «всесторонность» и «объективность» при расследовании и разрешении уголовного дела также законодателем указаны в ч. 2 ст. 154 УПК РФ, где говорится о возможности выделения уголовного дела в отдельное производство, если это вызвано его большим объемом и множественностью эпизодов.

Таким образом, законодательные инициативы не являются такими уж противоречащими действующему УПК, неясно только, почему они не нашли отражения в гл. 2 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства», что в данной связи выглядело бы вполне последовательно и логично.

Рассмотрение аргументов противников законопроекта приводит к выводу, что возврат к установлению объективной истины ослабит возможности стороны защиты вовсе не в связи с победой в трактовке дефиниций. Затрагиваются, а вернее, изменяются сами «правила игры», о которых упоминает А. С. Емузов, нарушающие несущую конструкцию уголовно-процессуального права [2, с. 11]. Дело в том, что придание юридической истине статуса относительной истины предоставляет стороне защиты возможность побеждать сторону обвинения за счет соглашения с ним в ходе своеобразной сделки, конвенции, соглашения.

Существование конвенциональной истины в уголовном судопроизводстве приводит к тому, что суждение суда является истинным не пото-

му, что соответствует действительности, а лишь на том основании, что стороны договорились считать его таковым. Типичнейший пример: лицо признается невиновным при недоказанности его вины ввиду наличия доказательств, признанных недопустимыми по формальным признакам. Правовые последствия такого решения далеки от справедливости – раз виновность не доказана, значит, подсудимый невиновен и у судьи нет законных инструментов это исправить. Поэтому внесение дополнений в ст. 237 УПК РФ, предоставляющих суду полномочия для возвращения дела для дополнительного расследования по основанию неполноты доказательств, которая не может быть восполнена в судебном заседании, представляется вполне обоснованным.

Также представляется, что в данном споре происходит смешивание категорий. Объективная истина по делу и справедливость в разрешении дела – это цели уголовного процесса, какими бы недостижимыми они ни казались в реалиях современности, а состязательность и презумпция невинности, как бы возвышенно и гуманистично ни звучали в контексте обеспечения прав человека, все же являются элементами методологии, средствами, условиями в поиске юридической истины. Трудно согласиться, что возврат к поиску объективной истины усилит обвинительный уклон правосудия. Ущербность подобной позиции очевидна.

В высказываниях противников законопроекта, безусловно, присутствует и позитивная критика. Трудно оспорить недостаточный уровень образования, профессиональной подготовки да подчас и опыта работников следственного аппарата, во многом влияющие на качество доказательственной базы обвинения. Типичный случай: «сырое» дело рассматривается в суде. Доказательства есть, но неполнота в сборе доказательств также налицо. Что в этом случае должен делать судья? Оказывается, рецепт готов. Так, В. Абаринов цитирует американского адвоката И. Дершовица: «Если вам нужна справедливость, не прибегайте к системе уголовного правосудия. Она этим не занимается. Ее задача не в том, чтобы достигнуть справедливого результата. Ее задача в том, чтобы достигнуть юридически корректного результата. Если вы на 60 процентов уверены, что обвиняемый виновен, вы

должны оправдать его. Если вы считаете, что он, вероятно, совершил преступление, вы должны оправдать его. Если вы считаете, что он почти наверняка преступник, вы должны оправдать его». По мнению В. Абаринова, это и есть презумпция невиновности [1].

Возможно, это американский вариант презумпции невиновности, но возникает вопрос: а как же быть с нашими российскими принципами правосудия: законностью, виновностью, справедливостью, неотвратимостью ответственности за совершенное преступление? Разве судья, лишенный права в ходе судебного разбирательства устранить недостающие 40 процентов, не уподобляется продавцу, смотрящему на весы и не имеющему возможности взвесить груз товара?

Еще дальше в своих высказываниях идет Е. Шульман, утверждающая, что «если судьи не выносят оправдательных приговоров из соображений корпоративной солидарности и коррупционной заинтересованности, ничто не заставит их при имеющемся заказе на посадку отправлять дела на доследование. С точки зрения практической пользы все, что приведет к уменьшению населения СИЗО, есть благо, а к увеличению – зло. Позволит объективная истина сажать чаще и на подольше – значит, не нужна нам такая истина» [10].

Следует обратить внимание, что в данных рассуждениях ни тяжесть преступлений, ни их количество, ни контингент (серийные убийцы, маньяки, насильники, педофилы, террористы) в расчет не принимаются.

В данном высказывании, не являющимся выдернутым из контекста рассуждения, отчетливо прослеживается вполне конкретная мотивация, практически даже не скрываемая, почему критики законопроекта так против поисков объективной истины в уголовном судопроизводстве. Речь идет о введении категории «практическая польза». Однако эта категория должна учитывать и интересы, и права не только обитателей СИЗО, но и жертв преступлений, возмещение ущерба, элементарное правосудие.

В заключение хочется присоединиться к точке зрения К. Б. Калиновского, считающего, что равноправие сторон должно обеспечивать победу не того, кто сильнее, а того, на чьей стороне истина [3].

Библиографический список

1. Абаринов, В. Во истину полез [Электронный ресурс] / В. Абаринов. – Режим доступа: <http://grani.ru/opinion/abarinov/m.224089.html> (дата обращения: 14.01.2014).

2. Емузов, А. С. Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности / А. С. Емузов // Адвокат. практика. – 2004. – № 4. – С. 11–13.
3. Калиновский, К. Б. Права человека и проблема равноправия сторон обвинения и защиты в уголовном процессе / К. Б. Калиновский // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры : междунар. науч.-практ. конф. : тез. выступлений / С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации ; отв. ред. Б. В. Волженкин. – СПб., 1998. – С. 37–38.
4. Калиновский, К. Б. Проблемы реализации принципа состязательности в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации / К. Б. Калиновский // Проблемы совершенствования и применения законодательства в борьбе с преступностью : материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию Башкир. гос. ун-та : в 2 ч. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – Ч. 1. – С. 94–98.
5. Карякин, Е. Взгляд на состязательное уголовное судопроизводство сквозь призму процессуальной формы / Е. Карякин // Уголов. право. – 2005. – № 4. – С. 68–71.
6. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е. Б. Мизулина. – Ярославль, 1991. – 269 с.
7. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда / И. В. Михайловский. – Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1905. – 335 с.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу : проект федер. закона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551> (дата обращения: 21.01.2014).
9. Тушев, А. Роль прокурора в реализации принципа состязательности в уголовном процессе / А. Тушев // Рос. юстиция. – 2003. – № 4. – С. 33–35.
10. Шульман, Е. Приключения объективной истины [Электронный ресурс] / Е. Шульман. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/22121941/priklyucheniya-obektivnoy-istiny> (дата обращения: 14.01.2014).

УДК 343

УТАИВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ О СОДЕРЖАНИИ В ПРОДУКТАХ ПИТАНИЯ ГЕННО-МОДИФИЦИРОВАННЫХ ОРГАНИЗМОВ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Concealing the Information about Modified Gene Organisms Content in Food Products: Legal Aspects and Public Opinion

И. Г. Рагозина – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный работник образования Омской области;

Е. В. Орлова – студент Омской юридической академии

I. G. Ragozina – Head of the Criminal Law and Criminology Department of the Omsk Law Academy, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honoured Worker of Education of the Omsk Region;

E. V. Orlova – student of the Omsk Law Academy

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы о необходимости установления уголовной ответственности за производство продуктов, содержащих генно-модифицированные организмы, анализируется общественное мнение относительно необходимости установления уголовной ответственности за утаивание информации о содержании в продуктах питания генно-модифицированных организмов.*